

могущество зиждется на патологии его одиночества.

ЭКЗИСТЕНЦИЯ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ОСНОВАНИЯ ДУХОВНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ

О.А. Пырьянова

Феномен сексуальности, являющийся антропологической характеристикой индивида, во многом определяет жизнь человека. Воплощая бессознательные влечения и осознанные желания, сексуальность связывает человека с внешним миром. В ней проявляется «великий призыв жизни, отсутствующий в мире», который «направлен против тотального отказа от реальности»¹. Благодаря сексуальности индивид способен ощутить свое единство с человеческим родом, понять смысл своего существования в силу своей природы: «человек – единственное существо, претендующее на постижение смысла жизни»². Проблематизация понятия экзистенции необходима для выявления природы сексуальности.

Экзистенция потенциально присуща всем людям от рождения. Со временем к пониманию своей сущности приходит каждый индивид. Проблема заключается в том, чтобы выяснить, что именно движет им на этом пути, каким образом человек осознает свою экзистенцию, какова ее антропологическая природа.

Возможность обретения собственной экзистенции детерминируется *процессуальным* характером жизни человека. Он не является окостеневшей данностью, которая всегда остается неизменной. В развитии индивид способен прийти к осознанию своей сущности, к ее изменению: «реальность – в действии»³. Более того, именно жизненное движение обуславливает человеческую экзистенцию, поскольку «мы не можем решить a priori, что надо делать»⁴, точно также, как не может быть a priori сформировано

¹ Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С.188.

² Камю А. Письма к немецкому другу // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С.116.

³ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С.333.

⁴ Там же. С.339.

представление о человеке. Человек всегда конкретен в своей индивидуальности и непредсказуем в своих проявлениях. Попытки определить его родовую сущность терпят крах, если исследователи таким образом надеются заключить индивида в схемы всеобщего, забывая о его ситуативной неповторимости. Оторванные от реальности априорные представления о человеке ничего не привносят в наше понимание себя и других людей. Довлеющая роль априорного знания оказывается сомнительной – экзистенция, являющаяся сущностью человека, не может быть определена и понята до опыта.

В процессе своего становления индивид не только обретает свою экзистенцию, но и сохраняет постоянную возможность ее трансформации. Пластичность является субстанциальным свойством экзистенции. Сущность, остановившаяся в своем развитии, становится застывшей и теряет свой онтологический статус.

Познавая мир в целом и других в частности, человек постоянно изменяет себя, поскольку «основные экзистенциальные феномены – не просто бытийные способы человеческого существования: они также и способы понимания, с помощью которых человек понимает себя»¹. Осознавая себя, индивид приобретает устойчивость в мире, это позволяет создать собственное бытие, которое не будет чуждым для него.

Мир обретает ценность, только когда в его восприятии присутствует личностное начало, индивидуальность которого не совпадает с известными ранее феноменами. Индивид, отказавшийся от собственной аутентичности, теряет себя. Мир его поглощает. Реальность, существующая только благодаря человеку, пытается обрести свою независимость, уничтожая его бытие. Такая реальность лишает индивида возможности подлинного существования, выражая деспотическую сущность других людей, которые никогда не станут близки индивиду, оставаясь чуждыми для него по своей сути. Инаковость этих людей являет собой непреодолимую пропасть отсутствующего понимания, желающего подчинить абсолютно все. Акт понимания позволяет узнать о самооценности любого феномена,

¹ Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С.361.

оправдывающей его существование. Бытие становится значимым, только когда можно отделить себя от него.

А. Камю считал, что «мир этот не имеет высшего смысла», но «есть в нем нечто, имеющее смысл, и это – человек»¹. Освободить мир от своего присутствия означает лишить его чего-то очень важного. Подлинное бытие индивида становится бесценным в процессе создания новой реальности, которая существует только благодаря ему. Именно человек придает миру значимость, осознавая свою конечность как часть бесконечного. Аксиологический смысл человеческой жизни заключается в понимании своей временной и пространственной ограниченности. Видя пределы конечности конкретно-индивидуального существования, мы можем ощутить единство со всем человеческим родом и миром в целом.

Только так можно избавиться от отчаяния и отсутствия смысла в мире, от безысходности и тревоги перед будущим. «Если бы у человека не было вечного сознания, если бы в основе всего лежала лишь некая дикая сила – сила, что, сплетааясь в темных страстях, порождает все, от великого до незначительного, если бы за всем была сокрыта бездонная пустота, которую ничем нельзя насытить, чем бы тогда была жизнь, если не отчаянием?»² Обрести экзистенцию означает обрести мир.

Человечество не только формирует внешний по отношению к себе мир, но и позволяет каждому отдельному индивиду конституировать внутренний. Цель существования всех живых существ изначально заключается в воспроизводстве своего вида. Человек в силу своей природы не может остаться в рамках этого ограничения. Выход за границы природной данности позволяет ему создать собственную природу.

Индивид, отказавшийся от становления собственной экзистенции, лишается своей антропологической сущности и возможности подлинного взаимодействия с Другим. По словам Ж.-П. Сартра: «Чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования, так же,

¹ Камю А. Письма к немецкому другу... С. 116.

² Кьеркегор С. Страх и трепет // Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С. 22.

впрочем, как и для моего самопознания»¹. Только через связь с иным человеком можно почувствовать (ощутить) себя.

Человек существует во многом благодаря интерсубъективности. Совершенно неважно в чем она выражается: в отождествлении с другими людьми или в попытке противопоставления себя окружающему миру. Главное заключается в том, что признается существование Другого в качестве субъекта. Человек, ценность которого как такового не признана, закрыт для понимания и познания.

Экзистенциализм отказывается от восприятия человека как объекта: «наша теория – единственная теория, придающая человеку достоинство, единственная теория, которая не делает из него объект»². Говорить о сущности человека можно только тогда, когда мы перестаем видеть в нем вещь, на которую направленно познание; вещь, изменение и развитие которой перестает быть существенным в момент ее схватывания. Понимание другого индивида в таком случае останавливается на первоначально созданном образе. Перед нами оказывается не Другой, а лишь одно из его обесцененных проявлений. Эти проявления уже не имеют значения ни для самого индивида, поскольку они оторваны от него, ни для исследователя, так как Другой от него вновь ускользнул, оставив вместо себя лишь иллюзию.

Экзистенциализм перестает воспринимать человека как совокупность застывших состояний, определенных строгим набором четких категорий: «необходимо видеть в человеке то, что не сведешь к идее, тот его душевный жар, который предназначен для существования и ни для чего иного»³. Это не означает полный отказ от рефлексии в восприятии. Она необходима, но как вторичный акт понимания. Первоначально Другой воспринимается на внутреннем эмоциональном уровне, что позволяет создать определенное пространство близости, которое будет условием любого понимания Другого. Пережить чужой «душевный жар», прикоснуться к

¹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм... С.336.

² Там же. С.335.

³ Камю А. Бунтующий человек... С.131.

существованию Другого – равноценно пониманию экзистенции в ее подлинном смысле.

Ценность бытия Другого детерминирует возможность существования самого индивида в его интенциональности. Обращенность к Другому обуславливает собственную субъективность и делает человека Другим для себя. Именно в этот момент отношение к себе кардинально меняется – знание о себе больше не несет всеобщего характера. Индивид находит в себе не только то, что ему понятно, но и то, что понять еще предстоит. «Другой ... поскольку он другой, это не объект, становящийся нашим или нами; напротив, он удаляется в свою тайну»¹. Только эта тайна и делает познание возможным.

То, что оказывается на поверхности восприятия, то, что дано в непосредственном акте созерцания, – является лишь первоначальной видимостью, которая рассеивается при более пристальном рассмотрении. «Личностная жизнь по природе своей таинственна. Люди, у которых все вовне, все напоказ, не обладают тайной, у них нет ничего внутри, ничего сокровенного... Не обладая опытом глубинного дистанцирования, они не способны «уважать тайну» – ни свою, ни чужую»². Необходимость «глубинного дистанцирования» объясняется тем, что индивид, прежде всего, желает сохранить личное приватное пространство существования и признает право Другого на свое собственное существование. Проведение границы между собой и Другим позволяет человеку не потерять себя в столкновении с чуждой для него реальностью. Только осознав дистанцию между своей сущностью и сущностью Другого, индивид обретает возможность постижения чужой экзистенции.

Разрушение границ сложившихся экзистенций приводит к раскрытию тайны (неважно своей или чужой), что в свою очередь влечет за собой не появление нового ракурса восприятия существования, а потерю надежды на обретение его смысла. Познание ограничивается открытой поверхностью, за которой не

¹ Левинас Э. Время и Другой // Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998. С.93.

² Мунье Э. Персонализм. М., 1992. С.54.

скрывается ничего глубинного, вызывающего интерес и способность подлинного существования. Человек, который имеет опыт экзистенциальных переживаний, не раскрывает себя полностью перед окружающим миром, поскольку он не хочет лишиться опоры своего существования. Существование, разоблаченное в своей подлинности, становится крайне уязвимым. Мир, заметив абсолютную открытость какого-либо индивида, стремится к его уничтожению.

Обретение экзистенции возможно при осуществлении дистанцированного отношения к себе и другим, коррелирующего с самооценностью чужого бытия: «отправляясь от конкретного, выстраданного и прочувствованного опыта другого, я хочу вобрать в себя этого конкретного другого как абсолютную реальность, в его инаковости»¹. Это «вбирание» ни в коем случае не следует понимать как поглощение, ведущее к исчезновению Другого, напротив, это является признанием ценности чужой реальности и приобщение к ней как возможность обретения собственной.

Человек, признавший факт существования Другого, становится способным познать себя, отказаться от потребительского отношения к телесности и попытаться обрести экзистенцию, вернуться к своей антропологической сущности.

Общество всячески поощряет замену подлинного понимания экзистенции на мнимые идеалы времени: уничтожение собственной природы, выражающееся в отказе от телесности как неотъемлемой части каждого индивида. Тело становится либо полностью зависимым от квазиантропологических идей (мысль, ведущая к исчезновению тела, требующая тотального похудения, – новые стандарты красоты), либо от гипертрофированного удовлетворения телесных потребностей, что собственно также ведет к его смерти. Телесность отделяется от человека, становится всего лишь средством существования, механизмом репрезентации. Представления о его сущности отрываются от реального бытия индивида, становятся навязчивой идеей, приводящей к отказу от самого себя. Смысл

¹ Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С.208.

существования теряется, каждый несет бремя бытия без всякого желания понимания других и себя.

Во многом сегодняшняя культура искажает представления о сущности человека и его природе: «человек – единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть»¹, которое постоянно стремится прожить чужую жизнь, отказавшись от своей. Человек не замечает, что быстрая смена «избранных» общества, которые достойны тиражирования собственной жизни, приводит его к постоянной гонке за чуждым миром. При этом нет никакой надежды на то, что навязанный идеал существования станет когда-то своим, поскольку индивид пренебрег собственной экзистенцией, отказавшись от нее, так и не сформировав представление о себе и Другом. Обретение экзистенции способно вывести человека из лабиринта чужих идентичностей. Без этого он не способен понять свою сущность и смысл своего существования.

Таким образом, экзистенция является необходимым условием существования каждого индивида. Становление экзистенции осуществляется на протяжении всей жизни, изменяясь сам, индивид соответственно изменяет и свою сущность и способ своего существования. Только осознав ценность существования как такового возможно прийти к пониманию ценности жизни своей и Другого. Именно Другой позволяет во многом индивиду ощутить свою сущность во всей ее подлинности. Глубина познания Другого демонстрирует подлинность экзистенции личности.

ДУХОВНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК СМЫСЛОВОЙ ЦЕНТР МИРА²

Н.К. Антропова

1. Главной, фундаментальной чертой современной этапа российского общества является движение от индустриального общества к постиндустриальному. Современность предъявляет к

¹ Камю А. Бунтующий человек... С.126.